

УДК 327.57

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ КАК УСЛОВИЕ ГЛОБАЛЬНОГО НЕРАВНОВЕСИЯ

И. И. АНТОНОВИЧ¹⁾

¹⁾*Институт социально-политических исследований Российской академии наук,
ул. Фотиевой, 6, корп. 1, 119333, г. Москва, Россия*

Отмечено, что современный кризис в панатлантическом сообществе лидеры западного мира и средства массовой информации объясняют односторонними действиями президента Трампа. На основе изучения геополитической стратегии США XX–XXI вв. сделан вывод о том, что в этот период внешняя политика страны характеризуется постоянством: в ее основу положены формула президента Вильсона *сделать мир безопасным для демократии* и его стратегический принцип, согласно которому национальный интерес США адекватен интересам мирового сообщества (вильсонизм). Указано, что данная стратегия служит геополитической ориентацией элит влияния и власти на протяжении всего периода после Первой мировой войны до настоящего времени. Президент Трамп пытается реализовать эту стратегию в условиях экономического ослабления США и военных поражений. Это вынуждает его прибегать к шантажу, политическому давлению, военным авантюрам. Он объявляет врагами всех, кто бросает вызов американскому лидерству, в первую очередь Китаю и России. Утверждается, что данная стратегия становится источником нестабильности миропорядка.

Ключевые слова: современный кризис; панатлантическое сообщество; геополитическая стратегия; вильсонизм; миропорядок; национальная безопасность.

Образец цитирования:

Антонович ИИ. Историческая традиция внешнеполитической стратегии Соединенных Штатов Америки как условие глобального неравновесия. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;4: 39–47.

For citation:

Antonovich II. Historical tradition of foreign policy strategy of the United States of America as a condition for global imbalance. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;4:39–47. Russian.

Автор:

Иван Иванович Антонович – доктор философских наук, профессор; главный научный сотрудник.

Author:

Ivan I. Antonovich, doctor of science (philosophy), full professor; chief researcher.
iantonovich@mail.ru

HISTORICAL TRADITION OF FOREIGN POLICY STRATEGY OF THE UNITED STATES OF AMERICA AS A CONDITION FOR GLOBAL IMBALANCE

I. I. ANTONOVICH^a

^a*Institution of Socio-Political Researches, Russian Academy of Sciences,
6 Fotievoi Street, 1 building, Moscow 119333, Russia*

Contemporary crisis of the Panatlantic community is explained by the Western leaders and the mass media by unilateral actions of the President Trump. On the basis of the research of the geopolitical strategy of the United States of America in the XX–XXI centuries we come to the conclusion that basically US foreign policy and strategy during this period is characterized by a certain constancy. It is guided by President Wilson's formula *to make the world safe for democracy* and his basic geostrategic conclusion that US national interest is basically adequate to the goals and interests of the international community. This approach to the world has been called wilsonianism and has guided the international behavior of the american elites of power and influence for the length of the historical period after the First World War up to the present time. President Trump relies on this strategy under conditions of the economic weakening and military defeats of the United States. This compels him to use political pressure, open humbug and military aggression. President Trump declares the enemies of the United States other countries who challenge US supremacy, mostly China and Russia. This strategy is a constant source of the volatility of the world order.

Key words: current crisis; Panatlantic community; geopolitical strategy; wilsonianism; world order; national security.

В 1935 г., накануне Второй мировой войны и за два года до своей смерти, выдающийся австрийский философ Эдмунд Гуссерль провел серию конференций в Вене и Праге, посвященных, по его определению, «кризису европейского человечества». Еще до разрушительных действий фашизма в мировом масштабе мыслителя беспокоило то, что своеобразная духовная общность, именуемая европейской, которая объединяла всех тех, кто причислял себя к интеллектуальным наследникам греческой философии, истолковывающей мир как единое целое и как общую философскую проблему, была нарушена.

Гуссерль видел кризис европейской духовности столь всеохватывающим, что даже не был уверен, выживет ли Европа как интеллектуальное и культурное целое. Его удивляло и беспокоило, что в XIX в. несколько европейских стран подчинили своим интересам весь мир с удивительной легкостью. Гуссерль говорил о «расширении Запада» как об общемировой тенденции. Сегодня обеспокоенность судьбой Запада разделяет политические элиты, элиты влияния и власти, науки. Эта обеспокоенность, по их мнению, свидетельствует о том, что вместо «расширения Запада» сегодня фиксируется «сужение западной сферы влияния» – тенденция, которую английский исследователь Стивен Кинг выразил в одной формуле: «Запад теряет контроль» (см. [1, с. 3–29]). Волны оптимизма и пессимизма в оценке будущего Запада поднимаются и падают в зависимости от мировых локальных войн, экономических кризисов и прочих факторов в течение всего XX в. Вестернизация стала главной социально-экономической и политической моделью, на которую ориентируются страны, идущие по пути модерна, имитируя политические институты демо-

кратии, пытаясь реализовать программы догоняющего развития. Ни одной из стран, вступивших на этот путь в конце XX и начале XXI в., не удалось встать вровень с группой государств, с которыми ассоциируется понятие модернизации (США, Германия, Великобритания, Италия, Япония).

Если источниками пессимизма в оценке западной перспективы являлись процессы глобализации, ввергающие мировое развитие то в кризис, то в войну, источником оптимизма стала мощная экономическая, социально-политическая и культурная гегемония Соединенных Штатов Америки, осуществлявших мировое лидерство на протяжении XX в. Страны западного мира знали, что рано или поздно их выручат США, которые, однако, никогда не оказывали помощь даром.

Сегодня можно сказать, что в основных параметрах Соединенным Штатам Америки в течение всего XX в. удавалось сохранить свои стратегические позиции управления миром за счет навязывания ему своих стандартов в экономике, политике, морали. Однако в XXI в. все вдруг стало заметно усложняться. Дело даже не в том, что экономические возможности влияния США на мир ослабли. Военные действия, предпринимаемые этой страной везде для реализации силового варианта единоцентризма, оказались недейственными, а капитал морального влияния мирового лидерства был истрачен. Глобализация стала неумолимо и объективно формировать структуру многополярного мира, где одному региону, объединяемому условно под названием «страны Запада», не удержать под своим контролем регионы Востока, Юга и Севера.

Сложной проблемой стал конфликт внутри структур панатлантического сообщества. О нем мы писали в предыдущих статьях. Однако сейчас этот

конфликт принял особо зримые формы ввиду обнаружившейся фактической непримиримости интересов США, пытающихся решать свои внутриэкономические и политические проблемы не только за счет эксплуатации развивающихся регионов мира, как раньше, но и путем давления на своих союзников. Западноевропейские массмедиа объявляют скандальными и провокационными позиции Дональда Трампа по введению экспортных пошлин на товары, поступающие на американские рынки из западноевропейских стран, по навязыванию торгово-экономических договоров и условий, очевидно невыгодных союзникам, а главное, ту авторитарную, не терпящую возражений манеру, с которой американский президент решает свои геополитические задачи, пытаясь найти ответ на возникшие проблемы. Западноевропейские средства массовой информации, ведущие политики Европейского союза и Японии ищут причины в характере Трампа, непредсказуемости его действий, эмоциональной мотивации многих поступков и даже себялюбии. Во всегда корректном и сдержанном в оценке действий США влиятельном немецком журнале *Der Spiegel* была опубликована редакционная статья, в которой указано: «Взгляд Трампа на мир лишен моральной составляющей, у него не хватает знаний, понимания прошлого. Его внешняя политика осуществляется без правил, осуществляется в ручном управлении. Есть только выигравшие и проигравшие. Каждый за себя. Все против всех»¹ [2, S. 77]. Как бы испугавшись столь резкой оценки, авторы приводят фразу высокопоставленного чиновника Белого дома (фамилию, правда, не называют): «Это тебе Америка, сукин сын». И заключают: «Мы – Америка и делаем то, что нам нравится. Это и есть доктрина Трампа» [2, S. 78].

Это упрощенное истолкование геополитического поведения США в современных условиях, конечно же, не раскрывает сути проблемы. Дело в том, что американская внешнеполитическая стратегия была и остается консистентна и устойчива на протяжении XX–XXI вв. Политическая система устроена таким образом, что ни один избранный президент не осмелится полностью и однозначно опровергнуть решения, принятые его предшественником. Он может критиковать, подвергать сомнению многие политические поступки и поведение прежних президентов, но их действия всегда легитимны, закреплены конгрессом США, и осуществить программу обратного воздействия на историю в США сегодня практически невозможно.

С этой точки зрения президент Трамп, как бы парадоксально ни звучал этот вывод на фоне дискурса западных средств массовой информации, продолжает политическую стратегию, разрабо-

танную его предшественниками – президентами Джорджем Бушем – младшим и Барак Обамой. Достаточно вспомнить одну из стратегических установок Буша-младшего, объявленную им сразу после избрания (кстати, таким же ущербным путем, как и президента Трампа, когда за их противников высказались большинство избирателей, а они победили только благодаря тому, что им отдали голоса большинство выборщиков): президент Буш-младший заявил, что главной стратегической задачей Соединенных Штатов Америки является забота о национальной безопасности страны, а не верность новым договорам. Сигнал прозвучал устрашающе для системы международного права. Это означало, что все важнейшие договоры по ограничению гонки вооружений, роста опасности новой термоядерной войны, заключенные между СССР и США как двумя равными партнерами, контролирующими биполярный мир, США отменяют. Расчистив таким образом правовое поле, США, как мы помним, осуществили военную агрессию в Ираке в расчете на то, что им удастся организовать новую, альтернативную ООН международную структуру *Coalition of the Willing* (коалиция желающих), которая станет правовой, а главное, силовой структурой однополярного мира, контролируемого США.

События развивались иначе. Даже союзники США по НАТО – Германия, Франция и Италия – отказались принимать участие в этой авантюре, которая окончилась поражением. Военные действия США на Ближнем Востоке встретили сопротивление мировой общественности и вызвали раскол в общественном мнении внутри США. Президент Буш-младший уходил со своего поста по истечении срока как один из самых непопулярных президентов в истории Америки. Барак Обама в значительной степени обеспечил себе электоральную поддержку обещанием вывести войска из Ирака, что он и сделал. Он осуществил это со спокойным сердцем, хотя оставлял позади не демократически преобразованный Ирак, способный стать полноценным субъектом геополитических действий и решений на Ближнем Востоке, а страну, расколотую на три части (курды, сунниты и шииты). Противоборствующие стороны вели между собой отчаянную борьбу за влияние и доступ к энергоресурсам, составляющим пятую часть энергоресурсов Ближнего Востока. Контроль над энергоресурсами и нефтедобычей полностью находился в руках «семи сестер» – ведущих нефтедобывающих компаний США и Великобритании. Поддержка Англией военной стратегии закончилась политическим поражением премьер-министра Тони Блэра, до сих пор не избавившегося от клички Пудель

¹Здесь и далее перевод наш. – И. А.

Буша, но это не изменило главной стратегической задачи Англии – выступать союзником США во всех их попытках установления однополярного мира.

Президенту Обаме стало ясно, что военными усилиями желанной цели – американского гегемонизма и однополярного мира – достичь не удастся, поэтому он продолжил политику ослабления ООН и зашел с другой стороны, сделав попытку организовать союзные структуры стран Запада и Востока, контролируемые большей частью мирового ВВП, полностью подчиненные США. Этой цели служило создание Транстихоокеанского партнерства (ТТП), которое уже подписали 12 стран Азии и Латинской Америки (без Китайской Народной Республики и России), а также реализация панатлантической системы торгового сотрудничества и партнерства.

Последняя, однако, натолкнулась на сопротивление ведущих европейских стран, не желающих терять значительную часть суверенитета. Замысел Обамы был ясен: ослабив ООН и его региональные международные структуры, США нацеливались лишит полномочий Всемирную торговую организацию (ВТО), объединяющую основные государства мира, где диктовать цели и задачи, отвечающие сугубо национальным интересам США, было бы трудно. США благодаря указанным торгово-экономическим договорам рассчитывали участвовать в работе ВТО, держа в своих руках пакет большинства голосов ведущих стран мира и, таким образом, полностью подчиня авторитетную международную организацию своему влиянию. Китай и Россия в результате могли оказаться отстраненными от процесса принятия решений в ВТО.

Трудности, обнаружившиеся при заключении указанных договоров, подсказали президенту Трампу, что решение задач американской гегемонии в новых условиях через создание региональных объединений и структур – трудоемкая задача. Он провозгласил лозунг *America first* (*Америка превыше всего*), в соответствии с которым авторитарным силовым путем стал навязывать своим союзникам, даже сильнее, чем противникам, условия внешнеэкономической и политической игры, максимально выгодные США. Действуя безостановочно на этом пути, Трамп в значительной степени сумел преодолеть противодействие внутренних политических сил в США и упрочить свои позиции настолько, что заговорил уже о возможности выдвижения на второй срок.

Дело в том, что стратегия американского гегемонизма, давшая желаемые этой стране результаты в XX в., является стратегической целью, которую разделяют большинство американцев и в XXI в. С учетом того что сегодня в окружении президента находятся ястребы, известные своими крайне неуступчивыми позициями в международных отношениях и неспособностью идти на компромисс, стратегия США означает действие напролом, ис-

пользование силовых приемов с тем, чтобы заставить другие страны подчиняться своим стратегическим целям. В матрице этих целей неизменно присутствует возможность военных акций.

Дело в том, что сейчас Соединенные Штаты Америки – ведущая военная держава мира, которая содержит более 600 военных баз и инсталляций на Земле. Это, к слову, США владеет единственной на сегодня действенной структурой внешнеполитического влияния и власти, которая вызывает искреннюю обеспокоенность всех народов мира. Шантаж возможностью военного удара стал одной из составляющих американской внешней политики. И дело здесь не только в действиях нынешнего президента Дональда Трампа, но и в устойчивости внешнеполитической стратегии США, сложившейся в XX–XXI вв. и звучащей диссонансом с оптимистическим консенсусом саммита миллениума ООН, когда лидеры большинства государств мира сосредоточились на задачах предотвращения войн, борьбы с мировой бедностью, составления совместных программ действий по защите природной среды и др.

В противовес этим оптимистическим перспективам XXI в. стало свидетельством роста социальной напряженности в ряде ведущих стран мира, региональных противоречий и конфликтов, возникновения новых глобальных угроз. В сложных условиях государства, большие и малые, предпочитают в первую очередь искать решение своих проблем, нередко в ущерб интересам соседей. Большие государства часто не стесняются использовать свои немалые, в том числе военные, ресурсы для оказания давления на более слабые страны. Парадоксальность геополитической ситуации состоит в том, что новый многополюсный миропорядок (некоторые считают его однополюсным, и в этом также состоит одно из опасных геополитических противоречий) нынешнего дня потенциально опаснее периода холодной войны. Тогда две мировые державы, во многом формирующие этот миропорядок, являлись лидерами, действовавшими с учетом опыта союзничества в борьбе с фашизмом, проявляли сдержанность и рациональность, делавшие новый мировой конфликт невозможным. Сегодня многое изменилось, в том числе в мировоззрении мировых лидеров. Именно поэтому в настоящее время так важно проанализировать геополитическую ретроспективу, вспомнить о тех скрепах, которые сохраняли глобальное равновесие даже в периоды смертельных угроз, каковыми явились две мировые войны и бесчисленное количество локальных военных конфликтов, унесших десятки миллионов жизней и ознаменовавшихся такими разрушительными трагедиями, как геноцид армян, холокост, многомиллионная гибель населения в России, Беларуси, Украине и Польше в ходе Второй мировой войны.

Причины далеко искать не придется: в XX в. решающую роль играла внешнеполитическая стратегия Соединенных Штатов Америки, которые на протяжении указанного периода осуществляли мировое лидерство всеми имеющимися в их распоряжении средствами. Оглядываясь назад, можно сказать, что на протяжении всего XX и в начале XXI в. политическая культура формировалась под влиянием вильсонизма – концепции *сделать мир безопасным для демократии* (*To make the world safe for democracy*), разработанной президентом США Вудро Вильсоном еще до его вступления на эту высокую должность. *Продвижение демократии* – это современная формула, которая однозначно ориентирует на вторжение США (экономическое, военное, моральное) во все страны мира, которые не отвечают западным стандартам «хорошего управления, свободного рынка и демократии».

Идея президента Вильсона поначалу формулировалась намного осторожнее, чем современная формула *продвижения демократии и прав человека*, но тоже была устремлена вовне как стратегия воздействия на мировую ситуацию. Основополагающие тезисы своей теории Вильсон развил еще до своего переселения в Белый дом в фундаментальной работе об идее демократии [3, р. 12–14]. Он подчеркивал, что демократия – это в первую очередь волеизъявление народа, предполагающее избираемое правительство, которое осуществляет задачи постоянного согласования действий правителей и целей управляемых, разъясняя при этом великую формулу, впервые озвученную в Декларации независимости США: народ имеет право избирать своих правителей и отстранять их от власти, когда они перестанут исполнять его волю. Вильсон неустанно подчеркивал, что демократию нельзя «насадить извне», ее нужно выращивать медленно в каждом государстве, с учетом внутренних условий и возможностей [3, р. 28–29].

В другой своей работе «Государство: элементы исторической и практической политики» Вильсон выделял четыре различных, но взаимозависимых элемента, которые составляли сущность его внешней политики, направленной на то, чтобы «сделать мир безопасным для демократии». Такими элементами являлись сотрудничество между демократическими государствами; общее союзничество, основанное на экономической открытости; попытка нахождения компромисса путем установления консенсуса и обнаружения общих интересов через хорошо структурированные международные многосторонние институты, которые способствовали бы экономической интеграции; тесная связь с Америкой, добровольно берущей на себя лидерство в сообществе наций, целью которого является мир и экономическая безопасность [4, р. 96–112]. Вильсон был первым, кто заявил, что национальный интерес США идентичен мировому интересу.

Политик был убежден, что вопросы управления моральны по существу и что не революция, а эволюция – единственный путь формирования демократии. Правда, в условиях, когда Вильсон стал президентом, ему пришлось учитывать реальность современного ему мира. Соединенные Штаты Америки, победив Испанию в испано-американской войне 1898 г., фактически оккупировали Кубу, Гаити и Доминиканскую Республику, присвоили себе Гавайские острова, оккупировали Филиппины. При этом США не стеснялись принуждать народы к повиновению беспощадными бомбардировками городов, массовыми репрессивными акциями против населения. Говорить о демократии в этих странах Вильсону, бывшему лютеранскому пастору и сыну пастора, было неудобно. Выращивать демократию изнутри было не из чего. Исходя из этого, Вильсон запустил во внешнеполитический оборот термин «прогрессивный империализм» [4, р. 117–124], который получил широкое расхождение в мировой академической печати и политическом дискурсе и скрывал за собой обычное силовое воздействие на страны, посредством которого США заставляли их идти в русле своей внешней политики, т. е. это стандартный, «классический» империализм.

Такое прагматичное «уточнение» политической философии Вильсона диктовалось и мировыми соображениями, оно было направлено на строительство мира по североамериканскому образцу и в русле геополитической стратегии США. Вильсон хорошо понимал, что в мировом контексте этой стратегии возникла и важная альтернатива. Победа Великой Октябрьской социалистической революции предложила другой вариант мироустройства – удержание власти рабочими и крестьянами, установление пролетарской диктатуры свободы от эксплуатации человека человеком. В эпоху Вильсона эта идея вызвала весьма горячий отклик во многих странах, в том числе в США. Понятно, что в этих условиях ориентироваться только на «моральные гуманистические идеи» строительства мира, безопасного для демократии, было уже нельзя.

Противостояние глобальных концепций определило судьбы XX в. Результаты известны. Ленинский проект окончился кризисом 1991 г. и распадом СССР. Проект преобразования мира по формуле Вильсона претерпел существенные изменения. Во-первых, с уходом и смертью политика новая республиканская администрация, сменившая администрацию демократа Вильсона, не сумела (или не захотела) защитить этот проект в сенате США, и он был провален. При этом США не отказались от идеи мирового лидерства, просто обязательства, связанные с его сохранением в мировом масштабе и созданием Лиги Наций, сенат США счел необязательными для себя, но обязательными для остального мира. Нам кажется, что именно здесь определилась первая и очень важная особенность внешнеполи-

тической стратегии США. Формулы и принципы управления миром, которые американцы навязывают странам – членам ООН и другим государствам международного сообщества, необязательны для них самих. США их интерпретируют вольно, в тесной зависимости от конкретного национального интереса, пренебрегая международными обязанностями, которые из них следуют. В этом смысле формула Дональда Трампа *America first* действует в русле той же геополитической симфонии: сначала Америка совершает все, что удобно для нее, а уж после этого занимается мировым лидерством. При этом термин Вильсона «прогрессивный империализм» употребляется в ином, более жестком и непритязательном контексте: у США есть право и обязанность навязывать миру свои формулы для сохранения того миропорядка, который наиболее удобен для нее.

В этом смысле мировая ситуация и мировая динамика, по мнению американских исследователей, свидетельствуют о триумфе и безальтернативности вильсонизма. Известный американский исследователь президентства Вильсона и мировой глобальной ситуации Т. Смит писал по этому поводу: «В течение половины столетия, которая началась Пёрл-Харбором в декабре 1941 г. и закончилась имплозией Советского Союза в декабре 1991 г., американский либеральный интернационализм обрел признаки, которые историки и социальные исследователи с полной уверенностью называют “вильсонизм” как относительно устойчивый и логически адекватный подход к той роли, которую наша страна должна играть в мировых делах (даже если сегодня истолкование вильсонизма вызывает некоторые трудности). Мы можем назвать этот период “гегемонический этап либерализма”, так как его цели и интересы разделяются лидерами многих других стран, и они отображаются в многочисленных институтах международного сотрудничества, которые охватывают собой весь спектр международных проблем – от военной безопасности до экономических отношений» [5, р. 9].

Автор подчеркивает, что на современном этапе вильсонизм приобрел определенный «империалистический оттенок», позволяющий прибегать к силе для того, чтобы защитить американские ценности и глобальный миропорядок, отвечающий американским интересам. В связи с этим вильсонизм, по его мнению, должен обрести оттенки неовильсонизма.

Как мы видели, неовильсонизм у Джорджа Буша – младшего преобразовался в принцип продвижения демократии и прав человека, предполагающий силовое воздействие на мир. Характерно, что инструкции по «продвижению демократии» для Ирака разрабатывал командующий оккупационными войсками США генерал Петреус. Эти инструкции были отпечатаны в сотнях тысяч эк-

земпляров и распространялись среди граждан Ирака. Однако последнее, как мы видим в XXI в., не приносит желаемых результатов. И дело не только в военных поражениях США в Ираке, Афганистане, Ливии, но и в расколе панатлантического единства, о котором мы говорили в других статьях. С одной стороны, агрессивные действия США в мире с учетом цены, которую они платят за свое лидерство, не поддаются объяснению. Они иррациональны. С другой стороны, «глубинное государство США» представляет собой средоточие ястребов, которые хорошо понимают, что другого способа воздействия на мир, кроме военного, у американцев уже не осталось, и поэтому они считают возможным прибегать к политическому шантажу, геостратегическому авантюризму, запугиванию и негативизму по отношению к международным организациям.

Первый самый серьезный удар пережил Европейский союз. Чрезвычайно важно отметить, вернувшись к исторической перспективе, что на исходе XX в. Европа показала себя, а возможно и была, единой. В 1990 г. после принятия Парижской хартии для новой Европы все подписавшие ее члены ОБСЕ заявили, что эра конфронтаций и распада закончилась и отныне отношения будут основываться на взаимном уважении и сотрудничестве. Определенное единство продемонстрировали страны Евросоюза и в начале XXI в., когда казалось, что совместное сотрудничество приведет к торжеству идеалов справедливости и свободы для всех стран – членов Евросоюза, когда средние и малые страны Центральной и Восточной Европы, стремившиеся в данное объединение после распада СССР, надеялись одним махом решить свои экономические и социальные проблемы. Однако уже тогда исторически устойчивая традиция американского гегемонизма диктовала свои условия: неизбежной обязанностью для стран Восточной и Центральной Европы, вступающих в Евросоюз, стало членство в НАТО. Более того, тактически оно предшествовало членству в Евросоюзе. Похоже, что сначала в военной организации новые государства тренировались в рамках безусловного подчинения и исполнения приказов, чтобы быть более послушными членами Евросоюза. Послушания в полном объеме не получилось, и для этого есть существенные основания. За исключением, возможно, Польши, списавшей свою немалую задолженность социалистического периода, и Чехии, умело сохранившей основы своей промышленности, ни одно из восточных и центральноевропейских государств не достигло уровня жизни советского периода. Миграционные процессы, экономическая взаимозависимость и нещадное регулирование из Брюсселя лишают эти страны возможности решать собственные проблемы исходя из внутренних возможностей

и потребностей. Ввиду этого авторитет избираемых правительств невысок. Их способность влиять на улучшение ситуации ничтожна.

Однако США, испытавшие серьезные поражения в первое десятилетие XXI в., почувствовали потребность отыскать причины этих поражений во внешнем мире. Активизация русофобских кругов, увидевших в России возможного конкурента и причину неудач, сегодня достигла всех возможных пределов. США переложили вину за отказ союзников – Германии, Франции и Италии – от поддержки агрессии в Ираке на Россию и особый дипломатический талант президента Путина. С учетом того что традиционно американская внешняя политика строилась на идентификации противника, которая помогала им обосновывать самые спорные геополитические акции, сейчас в качестве такового потребовалась Россия.

В 2006 г. на исходе президентства Буша-младшего Принстонский университет, духовное детище президента Вильсона, получил от Белого дома задание разработать перспективный доклад национальной безопасности США. В докладе указывается, что причина многих американских неудач заключается в том, что единой логически консистентной устойчивой стратегии национальной безопасности до сих пор у них не было. Авторы пообещали, что новая стратегия будет приемлема для обеих партий, и главную цель ее сформулировали следующим образом: «Америка должна защищать, искать и обеспечивать мир свободы, устраиваемой по закону». Закон этот должны учредить Соединенные Штаты, советуясь со своими союзниками. Цель его – господство «зрелых либеральных демократий» везде в мире.

Принципом этого нового порядка объявляется демократия как наилучший инструмент формирования «популярных ответственных и эффективных правительств» во всем мире. Строительство либерального порядка предполагает в первую очередь сотрудничество в МВФ, ВТО, НАТО. Условием членства в этих структурах является заверение Соединенных Штатов Америки в том, что вступившие в НАТО страны будут исполнять свою глобальную роль и демонстрировать способность к решению всех проблем (см. [6, p. 8–14]).

Аналогия со «всемирным концертом монархий», расправившихся с бонапартистской угрозой в XIX в., очевидна. США предлагают миру «концерт демократий», имеющий глобальные масштабы, поддержанный «сетевым порядком» международных институтов и военно-политическим блоком НАТО. Главной задачей для США объявляется «осовременивание доктрин сдерживания». В основе сдерживания лежит тезис, согласно которому в случае возникновения угроз свобода и законный порядок могут осуществляться только силой [6, p. 6]. Поэтому важнейшим условием «концерта демо-

кратий» является развитие военных возможностей всех членов НАТО.

Для Китая в этом новом миропорядке определяется роль тесного сотрудничества с США на условиях, которые диктует Америка. Для России предлагается путь демократических преобразований и интеграции в миропорядок на условиях, которые могли бы сделать страну надежным членом «концерта демократий». США не отказываются при этом от существующих международных институтов, но считают, что ООН должна стать «обновленной и более отвечающей интересам мирового сотрудничества» (читай: «концерта демократий»). При этом авторы однозначны: «Соединенные Штаты никогда не соглашались с принципом, в соответствии с которым они должны применять силу только с согласия Совета Безопасности ООН. США и все члены “концерта демократий” обладают внутренне присущим правом на самооборону в случае вооруженной атаки. Эту доктрину можно осовременить с учетом угроз национальной безопасности в нынешних условиях» [6, p. 6]. Такая многозначная и угрожающая формула полностью продемонстрировала себя в военных действиях США и тех союзников, которых им удалось привлечь, в Ираке, Ливии, Сирии, Афганистане. Наконец, может быть, самый главный тезис доктрины состоит в следующем: «Соединенные Штаты должны предотвращать появление соперников, равных им по мощи» [6, p. 9]. Этот же тезис был повторен потом в стратегии национальной безопасности США, принятой Джорджем Бушем – младшим, Бараком Обамой и Дональдом Трампом [6, p. 23]. Если авторы принстонского доклада были достаточно осторожны в выделении угроз безопасности США, то в стратегии национальной безопасности Дональда Трампа однозначно указаны государства, представляющие такую угрозу: Китай, Иран и Российская Федерация (см. [7, p. 24–26]).

В первое десятилетие XXI в. американскими стратегами многие положения объявлялись достаточно обтекаемо, к концу этой декады и во вторую декаду XXI в. союзники США, в первую очередь Великобритания, поспешили уточнить целый ряд основополагающих тезисов. Британский Королевский институт международных отношений *Chatham House* в 2015 г. опубликовал доклад, однозначно названный «Российский вызов», в котором формулировалась суть российской угрозы западному миропорядку, при этом она характеризовалась как постоянная в течение последних трех столетий: «Сегодня Русское государство унаследовало культуру влияния, исходящую из царского и советского времени. Она носит отпечаток доктрин, теорий и привычек, приобретенных в течение длительного времени, особенно в ходе соотношений с подчиненными и независимыми государствами. Проблемы, которые сегодня осложняют отношения между

Западом и Россией, не просто следствие холодной войны, а трехсот лет российской истории» [8, р. 45].

Этой поистине иезуитской формулировкой авторы достаточно прозрачно намекают союзникам-американцам, что в течение трехсот лет Англия противостояла как Российской империи, так и СССР, и сейчас ее опыт мог бы быть очень полезным и востребованным. В этом контексте следует рассматривать и последние шаги Великобритании на мировой арене, включая и не совсем доказанные провокационные акции, как, например, «отравление Скрипаля». Так реализуется формула Черчилля, призывавшего в своей фултонской речи 1946 г. союз англоязычных (читай: англосаксонских) народов бороться против коммунизма. Сегодня острие этой стратегии направляется против России, единственной страны в Европе, которая может противостоять американскому гегемонизму.

Противодействие Великобритании многим российским инициативам на международной арене, организации международного футбольного чемпионата в России хорошо известно. Это конкретные шаги по реализации соответствующего геополитического замысла. Стратегам из *Chatham House* очень важно, чтобы противостояние США и Российской Федерации продолжалось как можно дольше, ведь тогда союзнические услуги Англии будут востребованы США, и на этом фоне можно закамуфлировать многочисленные проблемы внутриполитической и внутриэкономической жизни Британии. Авторы доклада *Chatham House* пишут: «Современные траектории указывают, что дальнейшая конфронтация между Россией и Западом неизбежна, поэтому чрезвычайно важно понять весь объем инструментов, которыми располагает Россия, чтобы достичь своих целей. Российские намерения устойчивы в течение длительного периода, но их возможности, особенно в военной области, развиваются очень быстро, что толкает Москву на гораздо большие агрессивные действия для достижения целей своей внешней политики» [8, р. 48].

Авторов доклада больше всего заботит отсутствие единого подхода к России среди западных лидеров, проявившееся в ходе навязывания Российской Федерации санкций и других действий. Аналитики из *Chatham House* советуют внимательно изучать внутриэкономическое и внешнеполитическое положение России, прогнозировать те действия, которые страна может предпринять в защиту своих интересов, и противостоять им всегда и везде, чтобы избежать возможности России занять подобающее ей место в «концерте демократий», которое, британцы вынуждены признать, не может быть иным, кроме как равноправным и свободным [8, р. 51].

В подтверждение высказанных тезисов можно было бы привести положения и многих других

докладов, которые плодятся сегодня в исследовательских и аналитических центрах западных стран, в первую очередь в США и Великобритании. Суть, однако, состоит в том, что, когда Россия предприняла ряд действий по защите своего стратегического интереса, согласившись на вхождение Крыма в состав Российской Федерации, осудив антиконституционный переворот в Украине, оказав поддержку законному правительству Башара Асада, в стратегических установках западных средств массовой информации стала господствовать русофобия. Исследователи и аналитики рисуют множество сценариев якобы неизменной агрессивности России и неизбежности мирового столкновения.

За всеми этими действиями стоит направляющая рука США, а в основе лежит историческая традиция американского гегемонизма, которая составляет суть внешнеполитической стратегии США на протяжении XX–XXI вв. В пылу яростной русофобской полемики западные аналитики доходят до крайности. Так, Дмитрий Тренин, известный исследователь, сотрудничающий с фондом Карнеги за международный мир, в одной из своих публикаций заявил, что Запад намерен нанести России поражение, сопоставимое с поражением, нанесенным Советскому Союзу в 1991 г. [9, с. 1–7].

Для предотвращения такой ситуации, по мнению Тренина, Россия должна выполнить ряд условий, часть которых можно охарактеризовать как ультиматум: прекратить информационную войну, «не эпатировать европейский политический истеблишмент демонстративным сближением с несистемными политическими силами в Европе от французского Национального фронта до немецкой “Альтернативы” для Германии и антииммигрантских или сепаратистских сил в тех или иных странах ЕС, не противодействовать расширению Евросоюза и НАТО, не расшатывать единство Евросоюза» [9].

Скажем прямо, предложения наглые и абсолютно неприемлемые, исключающие возможность договорных отношений или достижения консенсуса по острым международным проблемам. Недавно Джордж Фридман, руководитель частной разведывательно-аналитической организации «Стратфорд», дал интервью газете *Polska Times*, предсказав, что «Россия распадется после 2020 г.» [10, с. 11]. Далеко не все на Западе разделяют сегодня эту русофобскую и отчаянно мрачную перспективу. Наоборот, ряд других исследователей констатируют, что сегодня у стран – членов Евросоюза весьма разное восприятие вызовов и угроз. Национальные интересы многих стран с трудом приводятся к общему знаменателю, и *Brexit* показал многим государствам возможность решить свои проблемы, не очень сообразываясь с догматичными и упрямыми рекомендациями брюссельской бюрократии.

Наверное, эти противоречия будут и дальше серьезным образом нарушать единство Евросоюза, а обнаружившиеся противоречия между Евросоюзом и США, совершенно очевидно, трудно преодолимы. Многого в отношениях Евросоюза, США, Китая, России и мира можно было бы достичь, если бы США более адекватно реагировали на изменяющийся мир и в условиях потери собственного влияния и веса, резко ограничивающего возможности их лидерства, адаптировали к ним свою стратегию. Однако инициатива во внешнеполитической стратегии США перехвачена сегодня группой ястребов «глубинного государства», которые рассматривают военную силу как главный глобальный ресурс США и используют шантаж этой военной силой для достижения своих национальных целей. Это создает опасность новых мировых конфликтов и даже возможного военного мирового столкновения. Поэтому все страны, сотрудничающие с Соединенными Штатами Америки, вынуждены действовать осмотрительно, не слишком антагонизируя США, но и не потворствуя их гегемоническим амбициям. Надо дать США возможность решить свои про-

блемы собственными внутренними силами, препятствуя тому, чтобы они втягивали в водоворот конфликтов и противоречий весь мир. Это очень трудная задача для всего мирового сообщества, но без ее разрешения неустойчивость миропорядка будет только углубляться.

Устойчивость миропорядка не может быть сохранена с помощью политического давления, экономических санкций, военной агрессии. Обращает на себя внимание концептуальное прогнозирование будущего миропорядка Китаем. Дэвид Госсет, основатель форума «Европа – Китай», писал: «Глобальная взаимозависимость сегодня рассматривается как неизбежная действительность, надо организовать и управлять международным сообществом не только на уровне стран, или на макрорегиональном уровне, но и на самом широком уровне – человечества...» [11, р. 5]. «Общность судьбы для человечества» становится важной чертой восстановления цивилизации, данная идея выдвинута на XVIII съезде КНР. Многим она кажется весьма привлекательной для все большего числа людей в мире.

Библиографические ссылки

1. King S. *Zapad teryaet kontrol'. Tri modeli finansovogo budushchego mira*. Москва: Карьера Пресс; 2015.
2. Die Neue Welt Ordnung. *Der Spiegel*. 2018;25.
3. Wilson W. *The Idea of Democracy*. New York: Harper and Brothers; 1917.
4. Wilson W. *The State: the Elements of Historical and Practical Policies*. Boston, New York, Chicago: D. C. Heath & Co; 1918.
5. Smith T. *Why Wilson Matters*. Princeton: Princeton University Press; 2017.
6. Ikenberry J, Slaughter A-M. *Forging a World of Liberty under Law*. Princeton: The Princeton Project Papers; 2006.
7. The National Security Strategy of the United States of America [Internet]. 2002 November [cited 2018 June 21]. Available from: <https://www.state.gov/documents/organization/63562.pdf>.
8. Giles K, Hanson Ph, Lyne R, Nixey J, Sherr J, Wood A. *The Russian Challenge. Chatham House. Report*. London: The Royal Institute of International Affairs; 2015.
9. Тренин Д. Россия и Европа: к чему стремиться и что делать? *Центр Карнеги* [Интернет]. 29 марта 2018 г. [процитировано 21 июня 2018 г.]. Доступно по: <https://carnegie.ru/2018/03/29/ru-pub-75938>.
10. Фридман Дж. После 2020 года Россия распадется. *Polska Times*. 2018. 15 июня.
11. Gosset D. From Chinese «Renessanse» to Community of shared Destiny. *Global Times. China Daily*. 2018 June 23–24.

References

1. King S. *Zapad teryaet kontrol'. Tri modeli finansovogo budushchego mira* [Losing control. The Emerging threats to Western prosperity]. Moscow: Kar'era Press; 2015. Russian.
2. Die Neue Welt Ordnung. *Der Spiegel*. 2018;25. German.
3. Wilson W. *The Idea of Democracy*. New York: Harper and Brothers; 1917.
4. Wilson W. *The State: the Elements of Historical and Practical Policies*. Boston, New York, Chicago: D. C. Heath & Co; 1918.
5. Smith T. *Why Wilson Matters*. Princeton: Princeton University Press; 2017.
6. Ikenberry J, Slaughter A-M. *Forging a World of Liberty under Law*. Princeton: The Princeton Project Papers; 2006.
7. The National Security Strategy for the United States of America [Internet]. 2002 November [cited 2018 June 21]. Available from: <https://www.state.gov/documents/organization/63562.pdf>.
8. Giles K, Hanson Ph, Lyne R, Nixey J, Sherr J, Wood A. *The Russian Challenge. Chatham House. Report*. London: The Royal Institute of International Affairs; 2015.
9. Trenin D. Russia and Europe: what to strive for and what to do? *Tsentr Karnegi* [Internet]. 2018 March 29 [cited 2018 June 21]. Available from: <https://carnegie.ru/2018/03/29/ru-pub-75938>. Russian.
10. Fridman J. [After 2020 Russia will disintegrate]. *Polska Times*. 2018 June 15. Russian.
11. Gosset D. From Chinese «Renessanse» to Community of shared Destiny. *Global Times. China Daily*. 2018 June 23–24.

Статья поступила в редколлегию 07.07.2018.
Received by editorial board 07.07.2018.